

В.И. Батюк

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ:
ОТ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА»
К НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ**

Издательство «Весь Мир»

Владимир Батюк

**Российско-американские
отношения в постбиполярном
мире: от «стратегического
партнёрства» к новой
холодной войне**

Издательство «Весь Мир»

2024

УДК 327
ББК 66.4

Батюк В. И.

Российско-американские отношения в постбиполярном мире:
от «стратегического партнёрства» к новой холодной войне /
В. И. Батюк — Издательство «Весь Мир», 2024

ISBN 978-5-7777-0958-5

В начале 1990-х годов Москва и Вашингтон определяли свои отношения как «стратегическое партнёрство». В настоящее время, однако, между двумя нашими странами идёт холодная война номер два. После начала СВО на Украине можно говорить о прямой конфронтации между Россией и США и их союзниками. В работе показаны причины деградации двусторонних отношений в самых разных областях — от контроля над стратегическими ядерными вооружениями до торгово-экономических связей наших стран. В монографии подчёркивается, что разногласия между двумя странами не были бы непреодолимыми в случае, если бы существовал уважительный, равноправный диалог, направленный на решение этих проблем в российско-американских отношениях. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-7777-0958-5

© Батюк В. И., 2024

© Издательство «Весь Мир», 2024

Содержание

Введение	6
Глава 1. Российско-американское партнёрство 1992–1999 годов	10
1.1. Политические проблемы российско-американского партнёрства	10
1.2. Военно-стратегическая сфера российско-американских отношений (1992–1999 годы)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Батюк
Российско-американские отношения в
постбиполярном мире: от «стратегического
партнёрства» к новой холодной войне

© ИСКРАН, 2024

© Батюк В. И., 2024

© Издательство «Весь Мир», 2024

* * *

Введение

Российско-американские отношения переживают очень сложный период. Диалог между двумя державами практически полностью прекращён – в том числе и по вопросам международной безопасности, представляющим огромный интерес не только для Москвы и Вашингтона, но и для международного сообщества в целом. Развязанная Соединёнными Штатами санкционная война против Российской Федерации означает, что в обозримой перспективе двусторонние торгово-экономические связи между нашими странами будут оставаться на низком уровне, не оказывая никакого воздействия на общее состояние российско-американских отношений. И в директивных документах, и в публичных заявлениях высших должностных лиц России и Америки отмечалось, что другая ядерная сверхдержава – противник номер один. Как говорилось в Заявлении МИД РФ в феврале 2023 года, «США по сути развязали против России тотальную гибридную войну, которая чревата реальной опасностью прямого военного столкновения двух ядерных держав»¹.

А в Стратегии национальной безопасности США, утверждённой президентом Дж. Байденом в октябре 2022 года, указывается, что Америка сталкивается со стратегическим вызовом, который исходит от держав, «сочетающих авторитарное управление с ревизионистской внешней политикой – а именно со стороны России и Китая». При этом в документе утверждается, что Россия-де «представляет непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе»; «КНР, напротив, является единственным конкурентом, имеющим как намерение изменить международный порядок, так и, во всё большей степени, экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения этой цели»².

Такое положение вещей сложилось не сразу. Тридцать лет тому назад, после окончания холодной войны, и политическое руководство наших стран, и широкая общественность были уверены, что отношения между Москвой и Вашингтоном вступили в новую историческую эпоху, что конфронтация между Россией и Соединёнными Штатами осталась в прошлом и что будущее российско-американских отношений – это стратегическое партнёрство и, возможно, полноценный союз.

На протяжении трёх десятилетий и американские, и российские политики, дипломаты и представители делового сообщества неоднократно пытались реализовать мечты о гармоничных и динамично развивающихся российско-американских отношениях. Двусторонний диалог не был бесплоден – достаточно упомянуть развивавшиеся в 1990–2000-х годах торгово-экономические и научно-технические связи, которые охватили самые разные отрасли национальных экономик наших стран – от добычи нефти до освоения космоса. Удалось добиться заключения важнейших разоруженческих соглашений – как двусторонних, так и многосторонних. Стороны смогли наладить конструктивное взаимодействие в урегулировании целого ряда региональных проблем – от борьбы с террористической организацией ИГИЛ³ до иранской ядерной программы. Наконец, между Москвой и Вашингтоном был налажен диалог и по проблемам глобальным – от экологии до международного терроризма.

И всё же, несмотря на отдельные успехи в развитии российско-американских отношений за прошедшие тридцать лет, общий итог безрадостный. В настоящее время почти полностью демонтирован российско-американский механизм контроля над вооружениями. Участие Рос-

---

¹ Заявление МИД России о ситуации с Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) / Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.02.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1852877/ (accessed 10.02.2023).

² National Security Strategy. October 2022. White House, Washington. P. 8.

³ Здесь и далее звёздочкой (*) обозначены террористические организации, запрещённые в Российской Федерации.

сии в единственном двустороннем разоруженческом соглашении, которое действует в настоящее время, – Договоре между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) – приостановлено в соответствии с законом, подписанным президентом РФ 28 февраля 2023 года. Но даже если Россия возобновит соблюдение СНВ-3, следует помнить, что срок действия этого договора истекает в феврале 2026 года, и в сложившихся условиях не приходится рассчитывать на то, что за оставшееся время США и РФ сумеют выработать новое соглашение, которое могло бы прийти на смену Договору СНВ-3.

Попытки наладить двустороннее сотрудничество в урегулировании региональных конфликтов в последние годы были сведены на нет. После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года можно говорить о прямой конфронтации между Российской Федерацией, с одной стороны, и Соединёнными Штатами и их союзниками по НАТО – с другой.

Санкционная война против России достигла беспрецедентных масштабов – такого количества санкций, которые были введены в отношении РФ, не вводилось против какой-либо страны за всю историю мировой экономики. Санкции сопровождалась высылкой из США российских дипломатов, закрытием российских консульств и конфискацией дипломатической собственности Российской Федерации.

Разумеется, Москва была вынуждена ввести ответные меры. В результате этих дипломатических войн резко сократились возможности поддерживать нормальный диалог между нашими странами – как по линии внешнеполитических ведомств, так и по линии народной дипломатии. Что ещё хуже, был уничтожен механизм российско-американского сотрудничества (например, была прекращена деятельность Президентской комиссии).

Между тем от конструктивного взаимодействия двух ядерных сверхдержав зависят как безопасность России и Америки, так и безопасность всего человечества. Москва и Вашингтон заинтересованы в сотрудничестве не только в контроле над ядерными вооружениями, но и в решении целого ряда международных проблем.

В чём же причина нынешнего глубочайшего кризиса российско-американских отношений? Разумеется, между Россией и США, как между двумя державами, имеющими обширные международные связи, интересы и амбиции, были, есть и будут серьёзные разногласия по различным аспектам мировой политики. Взгляды Москвы на международные дела далеко не всегда совпадают с точкой зрения Анкары, Тегерана, Нью-Дели, Пекина и т. д. – однако это не является причиной прекращения, например, российско-турецкого или российско-китайского диалога.

Очевидно, что российско-американские разногласия – от сокращения стратегических вооружений до энергетики – вполне решаемы при наличии доброй воли сторон. Серьёзнейшим препятствием для российско-американского сотрудничества стало обострение идеологической борьбы в двусторонних отношениях в последние годы. Сегодня в своей внешней политике Вашингтон руководствуется во всё меньшей степени интересами, и во всё большей – идеалами. И действия современной России на международной арене в США воспринимают как прямой вызов американским идеалам.

В Соединённых Штатах в настоящее время господствует точка зрения, что истинное стратегическое партнёрство между США и РФ может возникнуть лишь на основе общего видения и единой системы ценностей. У Вашингтона и Москвы такой системы нет. Более того, различия в базовых ценностях между двумя странами за последние годы увеличились. Вашингтон уверен, что по мере роста «авторитаризма» в России в российско-американских отношениях неизбежно будут нарастать разногласия.

Американская политико-академическая элита полагает, что истинные интересы России, её народа как раз и состоят в том, чтобы полностью принять точку зрения западных «партнё-

ров», и никаких расхождений между США и «подлинно демократической Россией» по проблемам национальной безопасности нет и быть не может, а если таковые и возникают, то это – не что иное, как «рецидив российского коммунистического и имперского прошлого».

В настоящее время, однако, соотношение идеологических сил выглядит явно не в пользу либерального глобалистского капитализма: его теснит буржуазный национализм. Попытки же националистов защитить интересы своих стран воспринимаются на Западе как «нарушение миропорядка, основанного на правилах». В этих условиях, как считают многие представители западных правящих кругов, между «либеральными демократиями» и «авторитарными режимами» неизбежно будут нарастать разногласия, а любой, даже самый выгодный для Запада компромисс с его незападными оппонентами неизбежно будет восприниматься среди западного мейнстрима как попрание либеральных и демократических ценностей и принципов.

Вера в то, что Россия (а также Китай) стремится «подорвать американскую демократию» и навязать всему миру свою «авторитарную модель», так же обязательна для представителей американского политико-академического истеблишмента, как и вера в «происки американского империализма» – для «правоверных советских коммунистов». Вот почему любые попытки наладить диалог с Москвой будут восприниматься как «беспринципные уступки путинскому авторитарному режиму» и, как следствие, встречать сопротивление со стороны «вашингтонского болота».

Очевидно, что до тех пор, пока продолжается идеологическая борьба в российско-американских отношениях, не приходится рассчитывать на их нормализацию. Единственный выход из сложившейся ситуации – это добиться снижения идеологического компонента в российско-американских отношениях и, соответственно, увеличения в них доли «реальной политики» (*Realpolitik*). Следует заметить, что схожую задачу приходилось решать Москве и Вашингтону в период холодной войны. Советско-американская разрядка 1970-х годов стала возможной только после того, как и в США, и в СССР, хотя и по разным причинам, ослаб сверхдержавный мессианизм. Так, к концу 1960-х годов в американском обществе под влиянием поражения во Вьетнаме американская «глобальная миссия» была поставлена под вопрос. Одновременно и в Советском Союзе происходил постепенный отказ от марксистско-ленинских идеологических догм.

Именно эти идеологические процессы и сделали возможной советско-американскую разрядку. До тех пор, пока схожие процессы не произойдут в современном Вашингтоне, идеологический фактор будет оставаться сильнейшим раздражителем в российско-американских отношениях. В этой связи следует отметить, что, подобно тому, как это было в годы холодной войны номер один, в современной международной обстановке, которую многие рассматривают как холодную войну номер два, нормальный диалог между Москвой и Вашингтоном может строиться только на основе **совпадающих интересов**, но никак не **общих идеалов**.

Со времён первой холодной войны 1945–1991 годов взаимоотношения между Москвой и Вашингтоном находились в центре внимания политико-академических элит двух стран. Различные аспекты этих отношений так или иначе затрагивали в своих трудах такие выдающиеся советские/российские и американские эксперты, как Г. Алперовитц, Г. А. Арбатов, Зб. Бжезинский, Р. Г. Богданов, Б. Броди, Ю. А. Замошкин, Н. Н. Иноземцев, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, Р. Легволд, А. С. Манькин, В. О. Печатное, Д. Саймс, Г. Н. Севостьянов, Г. А. Трофименко и многие другие.

После окончания первой холодной войны, однако, интерес к изучению России и российско-американских отношений в Соединённых Штатах серьёзно сократился. У таких выдающихся американских экспертов по России, как Р. Легволд, М. Рожански или Д. Саймс, не нашлось достойных преемников. В то же время в России изучение Соединённых Штатов и российско-американских отношений оставалось в числе научных приоритетов российских учёных-международников. Исследования в области американистики проводились в таких россий-

ских научных и учебных заведениях, как Институт США и Канады РАН и Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Высшая школа экономики, Московский государственный институт международных отношений, Московский государственный университет, и ряде других. Очевидно, этот дисбаланс объясняется убеждённостью американской политико-академической элиты в том, что Россия – это «бывшая великая держава в состоянии упадка» и что полный крах и распад Российской Федерации – вопрос времени. Видимо, только после отказа от такого рода триумфалистских взглядов на Россию возможно и возрождение внимания к российским исследованиям в Соединённых Штатах.

По вполне понятным причинам в центре внимания и российских экспертов, и их американских коллег находятся текущие проблемы в российско-американских отношениях. В то же время, как представляется, необходим и ретроспективный взгляд на эволюцию взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Исторический анализ позволит выявить причины современного кризиса в отношениях между Россией и США и, возможно, приблизиться к пониманию того, каким образом наши две страны смогут добиться нормализации отношений.

Глава 1. Российско-американское партнёрство 1992–1999 годов

1.1. Политические проблемы российско-американского партнёрства

Окончание холодной войны, распад «социалистического лагеря» и СССР коренным образом изменили и характер международных отношений, и характер взаимоотношений Москвы и Вашингтона.

Во-первых, после исчезновения Советского Союза с политической карты мира, вывода российских войск с территории Германии и прибалтийских республик бывшего СССР и существенных сокращений обычных вооружений в соответствии с Договором об обычных вооружениях в Европе 1990 года перестала существовать угроза широкомасштабного военного конфликта на территории Европы, чреватого перерастанием в мировую термоядерную войну.

Во-вторых, в начале постсоветского периода существенно сократился тот мировоззренческий и социальный разрыв, который разделял Россию и Запад в годы холодной войны. Тем самым взаимоотношения между Россией и США были окончательно освобождены от глобального идеологического противостояния, существовавшего с 1917 года. Это обстоятельство, разумеется, не могло не способствовать прогрессу в российско-американских отношениях. Появилась и реальная возможность интеграции Российской Федерации в сформированные Западом структуры безопасности и экономического развития – от АТЭС до «большой семёрки» («восьмёрки»).

В-третьих, хотя Российская Федерация и заняла место СССР в качестве великой державы – постоянного члена Совета Безопасности ООН, это новое независимое государство было в начале 1990-х годов крайне слабым и зависимым от поддержки со стороны Запада – поддержки финансовой, продовольственной, политической и даже просто эмоциональной. В этих условиях российско-американский диалог и не мог быть диалогом равных партнёров, и это обстоятельство сказывалось на состоянии российско-американских двусторонних отношений.

В начале 1990-х годов как в России, так и в США многие представители политических кругов полагали, что после окончания холодной войны и краха коммунизма нет и не может быть альтернативы союзу между новой, демократической Россией и Америкой. Как заявил в августе 1991 года министр иностранных дел Российской Федерации А. В. Козырев, «для демократической России США и другие западные демократии – настолько же естественные друзья, а в перспективе и союзники, насколько естественными врагами они были для тоталитарного СССР»⁴.

Двусторонние российско-американские документы, подписанные в начале 1990-х годов, свидетельствовали о готовности Москвы и Вашингтона добиться радикальной перестройки их взаимоотношений. В Кэмп-Дэвидской декларации, принятой 1 февраля 1992 года по итогам встречи в верхах президентов Дж. Буша-старшего и Б. Н. Ельцина, говорилось: «Отношения между Россией и Америкой должны строиться на следующих принципах.

Первое. Россия и Соединённые Штаты не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников. Отныне отличительной чертой их отношений будут дружба и партнёрство, основанные на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе.

---

⁴ Козырев А. В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995. С. 211.

Второе. Мы будем прилагать усилия к тому, чтобы избавиться от всех пережитков враждебности периода холодной войны, в том числе мы будем предпринимать шаги по сокращению наших стратегических арсеналов.

Третье. Мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы способствовать благосостоянию наших народов и расширить, насколько возможно, отношения между нашими народами. Открытость и терпимость должны стать отличительным признаком отношений между нашими народами и правительствами.

Четвёртое. Мы будем активно содействовать свободной торговле, инвестициям и экономическому сотрудничеству между нашими двумя странами.

Пятое. Мы будем предпринимать все необходимые усилия для распространения наших общих ценностей и идеалов демократии, верховенства закона, соблюдения прав человека, включая права национальных меньшинств, уважение государственных границ и мирные изменения на земном шаре.

Шестое. Мы будем предпринимать активные совместные усилия для того, чтобы:

– препятствовать распространению оружия массового поражения и связанных с этими видами оружия технологий, сдерживать распространение новейших обычных систем оружия в соответствии с принципами, которые будут согласованы;

– мирным путём разрешать региональные конфликты;

– бороться с терроризмом, торговлей наркотиками и не допустить ухудшения состояния окружающей среды»⁵.

Таким образом, в Декларации констатировалось прекращение холодной войны между Россией и Америкой и установление партнёрских отношений между двумя странами.

При этом, однако, с самого начала считалось само собой разумеющимся, что это российско-американское партнёрство не будет равноправным. Через полгода после Кэмп-Дэвидской декларации была принята Хартия российско-американского партнёрства и дружбы, в которой, в частности, говорилось, что «Соединённые Штаты Америки намерены продолжать сотрудничество в целях укрепления демократических институтов и построения правового государства в Российской Федерации, включая независимую судебную систему и создание механизма гарантий соблюдения прав личности»⁶. Иными словами, это самое «российско-американское партнёрство» оказывалось вполне совместимым с прямым американским вмешательством во внутренние дела РФ.

После того как по итогам выборов 1992 года в Белом доме сменился хозяин, российское и американское руководство подтвердило намерения коренным образом изменить характер российско-американских отношений. Как было указано в Ванкуверской декларации, принятой по итогам российско-американского саммита 3–4 апреля 1993 года, «Президент Российской Федерации Б. Ельцин и Президент Соединённых Штатов Америки Б. Клинтон заявили о своей твёрдой приверженности динамичному и эффективному российско-американскому партнёрству, которое является важным фактором укрепления международной стабильности. Президенты согласовали всеобъемлющую стратегию сотрудничества в целях продвижения демократии, безопасности и мира. Президент Б. Ельцин подчеркнул твёрдую приверженность России развитию демократии, верховенства права и рыночной экономики. В период, когда США приступают к оздоровлению своей экономики, Президент Б. Клинтон заверил Президента Б. Ельцина в активной поддержке со стороны США народа России, идущего по суверенно избранному им пути политических и экономических реформ». Конкретно в Декларации говорилось

---

⁵ Кэмп-Дэвидская Декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях. Кэмп-Дэвид, 1 февраля 1992 года / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырёх томах. Т. IV. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 442–443.

⁶ Хартия российско-американского партнёрства и дружбы. Вашингтон, 17 июля 1992 года / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырёх томах. Т. IV. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 444–445.

и о гармоничной интеграции «России в общество демократических стран и мировую экономику», и о развитии «российско-американских отношений во всех областях»⁷.

Нельзя сказать, что эти заявления на высшем уровне были лишь, так сказать, сотрясанием воздуха. На протяжении 1992–1993 годов было подписано свыше 50 (!) межправительственных российско-американских соглашений, которые затрагивали самые разные сферы двусторонних отношений – от ограничения и сокращения ядерных вооружений до защиты окружающей среды.

В то же время, судя по директивным документам российских и американских руководителей, уже тогда наметились различия в понимании в Москве и Вашингтоне содержания таких понятий, как «партнёрство» и «развитие отношений».

Вот что говорилось, например, о месте России в постбиполярном мире и о российско-американских отношениях в российском директивном документе «Концепция внешней политики Российской Федерации»: «Закладывается основа равноправного партнёрства с соседними, ведущими демократическими и экономически развитыми странами на базе отстаивания наших ценностей и интересов через реальное взаимодействие, а не шараханье от конфронтации к утопиям»⁸.

Конкретно о Соединённых Штатах в документе было сказано, что там «преобладающей тенденцией, опирающейся на двухпартийную основу, является линия на наращивание сотрудничества с Россией». Далее в документе, правда, отмечалось, что «в военностратегической сфере начавшееся партнёрство, создание совместных (а не «уравновешивающих») инструментов обеспечения безопасности будет, судя по всему, наталкиваться на попытки правоконсервативных кругов США обеспечить себе в процессе разоружения односторонние преимущества», однако, как полагали составители «Основных положений», эти негативные тенденции можно преодолеть за счёт конструктивного подхода Москвы: «Наша активная линия в укреплении российско-американских связей, аккуратное выполнение взятых на себя обязательств, деловитость в осуществлении согласованных планов будут работать в пользу нейтрализации этих явлений, расширения в США социальной базы в поддержку конструктивных тенденций в наших отношениях, укрепляя фундамент долгосрочного курса на партнёрство с Россией»⁹.

Как видно, тогдашнее российское руководство исходило из того, что партнёрство России с Западом (и с Соединёнными Штатами) будет «равноправным», а все возникающие между сторонами проблемы можно решить посредством конструктивного, доброжелательного диалога. При этом в российских кругах ожидали, что официальный Вашингтон поможет своему новому союзнику в том, чтобы:

– принять Россию в евроатлантические экономические и оборонительные структуры – НАТО и Евросоюз;

– предоставить РФ помощь для осуществления посткоммунистической трансформации (так сказать, «план Маршалла номер два»).

В Москве рассчитывали также на то, что Соединённые Штаты не будут препятствовать российским усилиям по экономической и военно-политической интеграции на постсоветском пространстве – ведь не мешали же американцы западноевропейской интеграции во главе с Германией, заклятым врагом в ходе Второй мировой войны.

Проблема, однако, состояла в том, что у американских «партнёров» был иной взгляд на российско-американские отношения. Так, в Руководстве оборонного планирования 1992 года ключевым положением стала попытка закрепления ситуации, сложившейся в Евразии после

---

⁷ Ванкуверская декларация / Внешняя политика и безопасность современной России... Т. IV. Документы. С. 449–450.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. Т. IV. Документы. С. 20.

⁹ Там же. С. 31–32.

окончания холодной войны. «Военной и политической миссией США в период после холодной войны должно стать противодействие появлению враждебной супердержавы в Западной Европе, Азии или на территории бывшего СССР», – говорилось в Руководстве. России авторы документа уделяли повышенное внимание, отмечая возможность «возрождения угрозы» со стороны Москвы¹⁰.

А в утверждённой президентом Дж. Бушем-старшим в январе 1993 года Стратегии национальной безопасности отмечалось, что и после окончания холодной войны американское лидерство необходимо и самой Америке, и всему человечеству: «Хотя мы будем сотрудничать с другими странами, наш статус выдающейся мировой державы с уникальными возможностями накладывает на нас большую ответственность. И если мы хотим извлечь какой-то урок из часто трагической истории этого столетия, то это, во-первых, то, что будущее неопределённо, а во-вторых, то, что мир нуждается в лидерстве, которое может обеспечить только Америка»¹¹.

В документе также достаточно ясно было сказано, что Вашингтон и впредь будет делать ставку прежде всего на своих традиционных, обретённых ещё в годы холодной войны, союзников – и именно с помощью этих союзников Соединённые Штаты должны «поддерживать стабильность и экономические и политические реформы в Восточной Европе и на постсоветском пространстве». И далее: «Это наш главный внешнеполитический приоритет сегодня. Мы должны сделать это путём твёрдой политической поддержки реформистских движений и расширения широкой правительственной и неправительственной помощи. Это включает в себя макроэкономическую поддержку для расширения перспектив долгосрочной институциональной реформы, техническую, экономическую помощь, а также гуманитарную и медицинскую помощь для содействия краткосрочной стабильности»¹².

Россия в документе не была упомянута ни разу – говорилось лишь о каком-то аморфном «постсоветском пространстве». Из бывших союзных республик были поимённо упомянуты лишь Белоруссия, Казахстан и Украина в связи с их намерением присоединиться к Договору о нераспространении в качестве безъядерных государств¹³.

Иными словами, американский подход к российско-американским отношениям явно не соответствовал российскому: с точки зрения официального Вашингтона, ни о каком «равноправном партнёрстве» и речи не было, как, впрочем, и о линии «на наращивание сотрудничества с Россией».

И в дальнейшем сохранялось несовпадение взглядов Москвы и Вашингтона на российско-американские отношения. Так, например, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой в 1997 году, сказано: «Российская Федерация будет продолжать развитие конструктивного партнёрства с Соединёнными Штатами Америки, Европейским Союзом, Китаем, Японией, Индией и другими государствами. <...> Непременным условием реализации внешнеполитических усилий России должно стать создание обращённой в XXI век модели обеспечения глобальной, региональной и субрегиональной безопасности, основанной на принципе равенства и неделимой безопасности для всех. Это предполагает создание принципиально новой системы европейско-атлантической безопасности, в которой координирующую роль играет Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; наращивание усилий по созданию многосторонних структур, обеспечивающих сотрудничество в сфере международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Азии»¹⁴.

---

¹⁰ Братерский А. В., Кислицин С. В. К тридцатилетию «доктрины Вулфовица» // *Россия и Америка в XXI веке* [электронный журнал]. 2022. № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760021598-4-1/> (accessed 26.08.2024).

¹¹ National Security Strategy of the United States. January 1993. P. i.

¹² Ibid. P. 6.

¹³ Ibid. P. 19.

¹⁴ Концепция национальной безопасности РФ 1997 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России*. С. 68.

В том же году президент США У. Клинтон утвердил Стратегию национальной безопасности, в которой говорилось не о равенстве и «неделимой безопасности для всех», а об американском лидерстве («Американское лидерство и участие в мировых делах жизненно важны для нашей безопасности, и в результате мир становится более безопасным местом») ¹⁵. Что касается европейской безопасности, то, по мнению составителей данного документа, ведущую роль в обеспечении общеевропейской безопасности должна играть не ОБСЕ (как полагали в Москве), а НАТО. «НАТО остаётся фундаментом американского участия в Европе и стержнем трансатлантической безопасности. Будучи гарантом европейской демократии и опорой европейской стабильности, НАТО должна играть ведущую роль в продвижении более интегрированной и безопасной Европы, готовой реагировать на новые вызовы» ¹⁶.

Правда, в клинтоновской Стратегии национальной безопасности (СНБ-1997) Россия упоминалась, но лишь в контексте западной помощи «развивающимся демократиям» на постсоветском пространстве: «Мы должны продолжать руководить усилиями по мобилизации международных экономических и политических ресурсов, как это было с Россией, Украиной и другими новыми независимыми государствами» ¹⁷.

Судя по СНБ-1997, американская сторона собиралась контролировать и внутривнутриполитическое, и экономическое развитие этих стран, включая и РФ: «Мы должны предпринять решительные действия, чтобы помочь противостоять попыткам обратить демократию вспять. <...> Мы должны предоставить демократическим странам все преимущества международной экономической интеграции. <.> Мы должны помочь этим странам укрепить основы гражданского общества, поддерживая программы отправления правосудия и верховенства права, содействуя развитию демократических гражданско-военных отношений и обеспечивая подготовку в области прав человека для полицейских и сил безопасности» ¹⁸. Очевидно, с получателями экономической помощи и учениками в западной школе демократии вряд ли кто-нибудь будет вести равноправный диалог.

Это несоответствие российских и американских ожиданий от развития российско-американских отношений в постбиполярном мире стало особенно заметным во второй половине 1990-х годов, когда чётко проявились различия в подходах Москвы и Вашингтона к таким международным проблемам, как расширение НАТО на восток и ситуация в бывшей Югославии. Хотя о возможности вступления РФ в НАТО Москва заявила ещё в октябре 1993 года, в Вашингтоне никогда не рассматривали это всерьёз. Так, например, президент У. Клинтон полагал, что идея членства России в Североатлантическом альянсе «витает в заоблачных высотах»: «Если и настанет день, когда Россия вступит в НАТО, очевидно, что это будет совершенно другая Россия, другая НАТО и другая Европа» ¹⁹.

Во время официального визита У. Клинтона в Россию в январе 1994 года президент Б. Н. Ельцин был вынужден согласиться с неизбежностью расширения НАТО (о чём президент США заявил в ходе пресс-конференции с членами Вышеградской группы 12 января 1994 года), но при этом поставил вопрос перед своим американским гостем о том, что «Россия должна быть первой страной, вступившей в НАТО», после чего, по мнению Б. Н. Ельцина, за ней последуют другие государства Центральной и Восточной Европы. В ответном слове У. Клинтон заявил о «величии России», но о членстве России в НАТО не сказал ничего ²⁰.

---

¹⁵ A National Security Strategy for a New Century. May 1997. P. 2.

¹⁶ A National Security Strategy for a New Century. May 1997. P. 21.

¹⁷ Ibid. P. 22.

¹⁸ Ibid. P. 19.

¹⁹ *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М.: Городец, 2003. С. 140, 159.

²⁰ National Security Archive. The Clinton-Yeltsin Moscow Summit, January 1994. Published: January 25, 2024. Briefing Book #851. By Svetlana Savranskaya and Tom Blanton Document 8. Cable from U.S. Embassy Moscow to State Department, "President's Dinner with President Yeltsin," [January 13], Novo-Ogarevo, January 14, 1994. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia->

Дав понять русским, что о членстве в Североатлантическом альянсе нечего и мечтать, американцы в то же время взяли курс на расширение НАТО за счёт бывших социалистических государств на востоке Европы и даже постсоветского пространства. Как говорилось в СНБ-1997, «новые демократии в Центральной и Восточной Европе также играют ключевую роль. Возможная интеграция в европейские организации безопасности и экономики, такие как НАТО и ЕС, поможет зафиксировать и сохранить впечатляющий прогресс, достигнутый этими странами в проведении демократических и рыночных экономических реформ»²¹.

В данном конкретном случае слова Вашингтона не разошлись с делами. Два года спустя, в ходе юбилейного саммита Североатлантического альянса в 1999 году, было принято решение о приёме в НАТО трёх стран Центральной и Восточной Европы – Польши, Венгрии и Чехии.

Это решение было воспринято в Москве крайне негативно – как нарушение обязательств о нерасширении НАТО на восток, которые были предоставлены западными лидерами ещё М. С. Горбачёву²².

На наш взгляд, лучше всего позицию тогдашнего вашингтонского истеблишмента по вопросу о необходимости расширения НАТО на восток выразил Зб. Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (*The Choice: Global Domination or Global Leadership*): «Расширение ЕС и НАТО является логическим и неизбежным результатом благоприятного исхода холодной войны. После исчезновения советской угрозы и освобождения Центральной Европы от советского господства сохранение НАТО в качестве оборонительного союза против уже несуществующей советской угрозы не имело бы никакого смысла. <... > У Европейского Союза и НАТО нет выбора: чтобы не утратить приобретённые в холодной войне лавры, они вынуждены расширяться». При этом, как пишет Зб. Бжезинский, «совершенно невероятно, чтобы в ближайшем будущем, например, в течение десяти лет, Россия стала членом НАТО»²³.

Следует отметить, что к концу 1990-х годов такого рода триумфалистские настроения возобладали в политических кругах США, а голоса тех американских экспертов-международников, которые предупреждали об опасностях расширения Североатлантического альянса на восток, становились всё глуше и глуше²⁴.

Другим серьёзнейшим вызовом российско-американским отношениям стали события в бывшей Югославии. Вмешательство Соединённых Штатов в югокризис с самого начала вызвало неоднозначную реакцию в Москве. Так, во время своего визита в Вашингтон в марте 1994 года делегация Государственной Думы РФ имела встречу и беседу с министром обороны США У. Перри. В ходе беседы российская сторона выразила неудовольствие по поводу американских бомбовых ударов по позициям боснийских сербов, а также относительно нежелания американской стороны вести диалог с Москвой по боснийской проблеме. Тем не менее стороны пришли к общему мнению о необходимости скорейшего прекращения конфликта в Боснии и к желательности российско-американского диалога по данному вопросу²⁵. Как известно,

---

programs/2024-01-25/clinton-yeltsin-moscow-summit-january-1994 (accessed 26.08.2024).

²¹ A National Security Strategy for a New Century. May 1997. P. 21.

²² National Security Archive. NATO Expansion: What Gorbachev Heard. Published: December 12, 2017. Briefing Book #613. Svetlana Savranskaya and Tom Blanton. Declassified documents show security assurances against NATO expansion to Soviet leaders from Baker, Bush, Genscher, Kohl, Gates, Mitterrand, Thatcher, Hurd, Major, and Woerner. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early> (accessed 26.08.2024).

²³ Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007. С. 132, 137.

²⁴ Шаклеша Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. С. 251–254.

²⁵ National Security Archive. Record of the Main Content of the Meeting with American Minister of Defense William J. Perry March 8, 1994. [Source: State Archive of the Russian Federation (GARF) Fond 10100, Opis 3, delo 5, Translated by Natalie Sherman and Svetlana Savranskaya for the National Security Archive]. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/31798-document-2-memorandum-conversation-between-us-defense-secretary-william-perry-and> (accessed 27.08.2024).

вооружённый конфликт в Боснии и Герцеговине был урегулирован в результате Дейтонских соглашений, которые были заключены в Дейтоне (США) в ноябре 1995 года президентом Боснии и Герцеговины А. Изетбеговичем, президентом Сербии С. Милошевичем и президентом Хорватии Ф. Туджманом при участии стран-гарантов: США, России, Германии, Великобритании и Франции.

Но вот решение США и их союзников по НАТО применить силу в отношении Сербии в связи с событиями в Косово в 1999 году вызвало гораздо более жёсткую реакцию со стороны Москвы. Дело дошло до беспрецедентного «разворота над Атлантикой» самолёта с российской делегацией во главе с председателем Правительства России Е. М. Примаковым, летевшей в Вашингтон на сессию российско-американской Комиссии по торгово-экономическим вопросам, после того как стало известно о начале воздушного наступления США и их союзников по НАТО против Белграда²⁶.

Следует отметить в этой связи, что в региональной сфере российско-американских отношений на протяжении 1990-х годов был демонтирован даже тот маломощный механизм двусторонних регулярных консультаций глав региональных департаментов внешнеполитических ведомств двух стран, который был сформирован ещё в 1980-е годы. Созданные же на протяжении 1990-х годов многосторонние механизмы кризисного регулирования (такие как Совместный постоянный совет Россия – НАТО, Контактные группы по Боснии и Косово) оказались не совсем подходящими структурами для взаимодействия Москвы и Вашингтона по региональным проблемам. Вот почему любые разногласия между РФ и США по вопросам урегулирования региональных кризисов (а их на протяжении 1990-х годов было немало – бывшая Югославия, Ирак, постсоветское пространство) обрушивались на Россию и США как гром среди ясного неба, сразу становясь серьёзным вызовом российско-американским отношениям в целом: стороны были лишены возможности на ранней стадии регионального конфликта изложить друг другу взаимные претензии и выработать взаимоприемлемый компромисс ещё до того, как этот конфликт нанесёт серьёзный ущерб взаимоотношениям РФ и США.

И в Москве, и в Вашингтоне начало накапливаться разочарование и взаимное раздражение. Вот цитата из доклада экспертной группы по России Палаты представителей Конгресса США (где тогда доминировали республиканские неоконсерваторы), опубликованного в сентябре 2000 года: «Восемь лет спустя после того, как Россия заявила о стремлении создать формальный союз с США, её внешняя политика регрессировала до доперестроечного уровня холодной войны. <...> Российское правительство активизировало своё противодействие расширению НАТО и рьяно пытается ослабить связи между США и их партнёрами по НАТО в Европе. Политика России в последнее время возрождает предложения советской поры о замещении нынешней системы безопасности, в основе которой лежит Североатлантический альянс, на новую панъевропейскую систему безопасности»²⁷.

В свою очередь разочарование относительно итогов развития российско-американских отношений в 1990-е годы испытывали и в России. Вот что писал видный российский американист А. И. Уткин в 2000 году: «Ещё более резким, чем объективные процессы и субъективные изменения в США, явилось изменение видения, настроений и позиции Москвы, воспринимавшей Соединённые Штаты в 1991–1993 годах как модель, донора, друга. Обобщённо говоря, Россия почувствовала себя дискредитированной своими жертвами 1988–1991 годов, отвергнутой в качестве привилегированного партнёра. Её претензии на особые отношения с США оказались дезавуированными»²⁸.

²⁶ Примаков Е. М. Восемь месяцев плюс... 2-е изд. М.: Мысль, 2002. С. 146–169.

²⁷ Путь России к коррупции // *Коммерсантъ*. 22.09.2000. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/158673> (accessed 27.08.2021).

²⁸ Уткин А. И. Американская стратегия для XXI века. М.: Лога, 2000. С. 58.

Такой итог развития взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном на протяжении 1990-х годов представляется вполне закономерным. С самого начала у российской стороны были явно завышенные ожидания относительно характера и интенсивности российско-американских отношений. Москва рассчитывала на то, что она и после распада СССР сохранит свой статус «равноправного партнёра» Соединённых Штатов – но при этом станет полноправным членом НАТО и ЕС и получит вдобавок обширную экономическую помощь в рамках некоего «плана Маршалла номер два». При этом считалось само собой разумеющимся, что ни США, ни их союзники по НАТО не будут препятствовать российским интеграционным усилиям на постсоветском пространстве.

У Вашингтона, однако, были совершенно иные представления о месте и России, и российско-американских отношений среди приоритетов американской внешней политики в постбиполярном мире. Как отметил американский исследователь Р. Асмус, за риторикой равенства и дружбы скрывалась неоспоримая реальность огромного неравенства в силе и статусе. Россия больше не была той сверхдержавой, которая бросила вызов Соединённым Штатам в разгар холодной войны, и это был даже не приходящий в упадок, но демократизирующийся Советский Союз Михаила Горбачёва. Москва часто чувствовала, что её не уважают, и заявляла, что её интересы и приоритеты не учитываются должным образом. Со своей стороны Соединённые Штаты были готовы сотрудничать только (по словам С. Тэлботта) в том, что «считали законными проблемами безопасности [России], а не во всём, что русские считали важным»²⁹.

---

²⁹ *Asmus, R. Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. New York: Columbia University Press, 2002. P. 171.*

1.2. Военно-стратегическая сфера российско-американских отношений (1992–1999 годы)

Военно-политические проблемы занимали первое место в повестке дня советско-американских отношений на всём протяжении холодной войны, о чём можно сделать вывод хотя бы на основе того факта, что из 162 советско-американских межправительственных и межгосударственных соглашений и договорённостей, заключённых в 1951–1991 годах, 62, то есть свыше 1/3, были посвящены контролю над вооружениями.

Сформированный двумя сверхдержавами режим контроля над стратегическими вооружениями был по-своему уникален. Как указывал бывший начальник 4-го ЦНИИ МО РФ, генерал-майор В. З. Дворкин, «достигнутый уровень взаимной транспарентности, закреплённый в Договоре СНВ-1, не имеет аналогов во взаимоотношениях стран-союзниц, не говоря уже о других. <...> В области СНВ Россией и США за десятилетия накоплена и закреплена на практике огромная понятийно-юридическая база, содержащая все детали – от терминов, определений и согласованных заявлений до практически отлаженной системы инспекций»³⁰.

На рубеже 1980–1990-х годов в американских правящих кругах пришли к твёрдому убеждению, что имевшаяся в то время американская ядерная стратегия больше не соответствует ни международным реалиям, ни национальным интересам Соединённых Штатов. Окончание холодной войны, распад СССР, с одной стороны, открыли перед Соединёнными Штатами беспрецедентные возможности по снижению ядерной угрозы, а с другой – создали новые вызовы стратегической стабильности.

Ведь одним из последствий распада СССР на территории бывших союзных республик, внезапно ставших новыми независимыми государствами, оказалось огромное количество ядерных боезарядов и стратегических носителей. Так, на территории Украины на момент распада Советского Союза имелось 176 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися головными частями с блоками индивидуального наведения (МБР с РГЧ ИН) и 40 тяжёлых бомбардировщиков, 1500 стратегических боезарядов, что было намного больше, чем у таких объявленных ядерных государств (ОЯГ), как Великобритания, Китай и Франция, вместе взятые. А на территории Казахстана в 1992 году оказалось 104 ракеты РС-20 (SS-18) с 1040 головными частями РГЧ ИН. Нужно было каким-то образом решать и эту проблему³¹.

В начале 1990-х годов в Москве также решили, что российские ядерные арсеналы в условиях, сложившихся в мире после окончания холодной войны, невообразимо велики и должны быть сокращены. Что касается унаследованного Россией колоссального советского ядерного потенциала, то последний считался досадным пережитком периода биполярной конфронтации, подлежащим неуклонному сокращению – как по политическим, так и по чисто экономическим причинам. Как отметил в интервью российскому телевидению и газете «Известия» президент Б. Н. Ельцин, в годы холодной войны «сверхдержавность определялась количеством ядерного оружия». «Мы хотим изменить ситуацию так, чтобы всё-таки первичной была жизнь людей. <...> Надо идти не односторонне, а паритетно на глубокое сокращение ядерного оружия. Мы не можем позволить себе, чтобы бедствовали люди из-за ядерных боеголовок», – подчеркнул президент³².

Руководствуясь этими соображениями, и Вашингтон, и Москва в начале 1990-х годов сохранили доставшиеся по наследству от периода разрядки режимы контроля над стратеги-

---

³⁰ Дворкин В. З. Ядерное сдерживание: взгляд в будущее // *Pro et Contra*. Т. 3. № 4. Осень 1998 г. С. 46, 47.

³¹ См.: Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: Российский институт стратегических исследований, Институт США и Канады РАН, 1994. С. 22.

³² Интервью Бориса Ельцина «Известиям» и Российскому телевидению // *Известия*. 11.06.1992.

ческими наступательными и оборонительными вооружениями и, кроме того, выступили на рубеже 1991–1992 годов с целым рядом разоруженческих инициатив. Так, 27 сентября 1991 года президент США Дж. Буш-старший объявил, что Соединённые Штаты готовы в одностороннем порядке ликвидировать или перевести на централизованное складирование на территории США тактические ядерные боезаряды, находящиеся на вооружении американских ВВС, армейской авиации и Корпуса морской пехоты (за исключением ограниченного количества авиационных бомб, размещённых на американских базах в Европе). В качестве ответного шага советское руководство (поддержанное российскими руководителями) приняло в октябре 1991 года аналогичные меры в отношении советского тактического ядерного оружия³³.

И в дальнейшем стороны активно пользовались инструментарием односторонних, но скоординированных и взаимно согласованных мер, направленных на сокращение ядерной угрозы. Так, в своём послании «О положении страны» от 28 января 1992 года Дж. Буш-старший заявил, что Соединённые Штаты предпримут ряд односторонних шагов (таких как прекращение производства и развёртывания ракеты «Миджитмен» и оснащение большого числа американских стратегических бомбардировщиков обычными боезарядами). В этом же выступлении президент США предложил заключить Соглашение СНВ-2 в целях снижения числа боеголовок до примерно 4700 единиц. Глава Белого дома вновь выдвинул свою инициативу о ликвидации наземных стратегических ракет с разделяющимися головными частями, которую государственный секретарь Дж. Бейкер в предварительном порядке обговаривал с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе ещё весной 1990 года. В случае принятия предложения президента США все МБР с РГЧ ИН были бы уничтожены³⁴.

На следующий день в «Заявлении о политике России в области ограничения и сокращения вооружений» президент РФ Б. Н. Ельцин сообщил об ответных шагах Кремля. В частности, было сказано о прекращении производства тяжёлых бомбардировщиков Ту-160 и Ту-95МС. Президент России объявил о прекращении производства крылатых ракет воздушного базирования большой дальности существующих типов и сказал о готовности российской стороны на взаимной с США основе отказаться от создания новых типов таких ракет. Россия прекращала производство существующих типов ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности, отказывалась от создания и новых типов таких ракет. Одновременно Россия выразила готовность – на взаимной основе – ликвидировать все имеющиеся ядерные крылатые ракеты морского базирования большой дальности. Была также подтверждена готовность Москвы и впредь осуществлять дальнейшее сокращение атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. «На взаимной основе мы готовы вообще отказаться от практики боевого патрулирования с помощью таких подводных лодок», – заявил Б. Н. Ельцин. Наконец, по словам президента Российской Федерации, Россия в течение трёхлетнего периода, вместо семи лет, как это предполагалось согласно Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений, уменьшит количество таких вооружений, находящихся на боевом дежурстве. «Если будет взаимопонимание с США, могли бы пойти в этом направлении ещё быстрее», – обещал российский президент, добавив при этом, что он выступает за то, чтобы стратегические наступательные вооружения не были нацелены на соответственно российские и американские объекты. Б. Н. Ельцин объявил о намерении в ближайшее время в ходе переговоров с западными руководителями выдвинуть предложения о новых, глубоких сокращениях стратегических наступательных вооружений – до 2000–2500 стратегических боезарядов у каждой из сторон³⁵.

³³ См.: Поттер У., Соков Н. Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации // *Ядерный контроль*. № 4. Июль – август 2000 года. С. 35–36.

³⁴ Baker, James A. III, Jr., with Thomas M. DeFrank. *The Politics of Diplomacy. Revolution, War, and Peace, 1989–1992*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1995. P. 658–659.

³⁵ Борис Ельцин и Джордж Буш соревнуются в гонке разоружений // *Российская газета*. 30.01.1992.

Символом нового качества отношений между двумя странами стали и меры доверия в стратегической сфере, предпринятые Москвой и Вашингтоном после окончания холодной войны. Так, в Московской декларации президентов двух стран (январь 1994 года) было сказано, что они «отдадут распоряжение о ненацеливании стратегических ядерных ракет, находящихся под их соответствующим командованием, с тем чтобы не позднее 30 мая 1994 года эти ракеты были ненацелены». «Таким образом, впервые за почти полвека, а фактически – с начала ядерной эры, повседневное управление ядерными силами обеих сторон будет осуществляться исходя из того, что наши страны не являются противниками»³⁶, – отмечалось в Декларации.

Большое значение, с точки зрения повышения предсказуемости ядерной политики двух великих держав, имело Совместное российско-американское заявление о транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия, принятое 10 мая 1995 года в ходе российско-американской встречи в верхах. В соответствии с этим документом стороны брали на себя следующие обязательства:

– расщепляющиеся материалы, извлечённые из ликвидируемого ядерного оружия и являющиеся избыточными с точки зрения потребностей национальной безопасности, не будут использоваться для производства ядерного оружия;

– вновь произведённые расщепляющиеся материалы не будут использоваться в ядерном оружии;

– расщепляющиеся материалы из гражданских ядерных программ или образующиеся в рамках таких программ не будут использоваться для производства ядерного оружия³⁷.

Эти меры доверия, безусловно, способствовали укреплению двустороннего режима контроля над ядерными вооружениями. Тем не менее, хотя и Москва, и Вашингтон выступали за новые масштабные сокращения своих стратегических вооружений, полного совпадения позиций не наблюдалось. Российская сторона, руководствуясь вполне понятными экономическими соображениями, выступала за гораздо более радикальные сокращения, чем те, с которыми были готовы согласиться американцы. Кроме того, в американских правящих кругах решили, что пришло время не только сократить общее количество стратегических наступательных вооружений, но и коренным образом изменить структуру стратегической триады России, убрав оттуда самый главный её компонент, а именно МБР с РГЧ ИН.

Как видно из заявления президента Б. Н. Ельцина (от 29 января 1992 года), в начале 1992 года Россия не была готова пойти так далеко: в Москве всё ещё надеялись на то, что Содружество Независимых Государств станет чем-то вроде «обновлённого Советского Союза» с едиными вооружёнными силами, в том числе и стратегическими: ведь в ходе алма-атинского саммита СНГ 21 декабря 1991 года Белоруссия, Казахстан, Россия и Украина заключили «Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия», подтвердившее намерение сторон совместно вырабатывать «политику по ядерным вопросам»³⁸. Тогда же были созданы Объединённые вооружённые силы СНГ. Увы, очень скоро российскому руководству пришлось смириться с неизбежным: распад СССР (и, как следствие, и советского военно-промышленного комплекса) необратим. Между тем многие советские МБР с РГЧ ИН, или же важнейшие их компоненты, производились на территории Украины: так, ракеты РС-20 изначально, а ракеты РС-18 с 1985 года, производились в НПО «Южное» в Днепропетровске; что касается ракет РС-22, то их первые ступени также производились на Украине, на Павлоградском механическом заводе³⁹.

³⁶ Московская декларация. 14 января 1994 года // *Дипломатический вестник*. 1994. № 3–4. С. 18–20.

³⁷ Совместное российско-американское заявление о транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия // *Дипломатический вестник*. 1995. № 6. С. 11–12.

³⁸ Действующее международное право. В 3 т. / Сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Т. 1. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. С. 494–495.

³⁹ См.: Петров М. Ракетные комплексы РВСН // *Техника и вооружение*. 2001. № 5–6. С. 72–74; 78.

Продлевать же до бесконечности ресурс уже развёрнутых на российской территории МБР с РГЧ ИН было невозможно: уже в начале XXI века нужно было решать вопрос о массовом снятии этих ракет с вооружения. Правда, Российская Федерация могла в принципе разработать новую мобильную МБР на базе РС-12М с тремя боеголовками или же создать унифицированную ракету с РГЧ ИН, которая могла бы выполнять функции МБР и БРПЛ – но в начале 1990-х годов не было ни сил, ни средств для быстрого решения этих сложнейших задач⁴⁰.

То, что РВСН России оказались вдруг отделены от тех производственных мощностей, где ковался советский ракетно-ядерный щит, государственной границей, было далеко не единственным вызовом стратегической стабильности, возникшим после распада СССР. Проблема советских стратегических ядерных вооружений, оказавшихся на территории Украины, Казахстана и Белоруссии после распада Советского Союза, не могла не тревожить не только американское, но и российское руководство.

На протяжении апреля – мая 1992 года шёл напряжённый диалог между Вашингтоном, Москвой, Минском, Киевом и Алма-Атой по вопросу о судьбах тех стратегических арсеналов, которые новые независимые государства унаследовали от исчезнувшего Советского Союза. При этом элиты новых независимых государств пытались выторговать у США и России и дополнительные гарантии в сфере безопасности, и экономические уступки. В данном вопросе, однако, Кремль и Белый дом были непоколебимы: только Российская Федерация должна, в качестве правопреемника Советского Союза, остаться единственной ядерной державой на постсоветском пространстве⁴¹.

Объединённый американско-российский нажим на Белоруссию, Украину и Казахстан принёс свои плоды – 23 мая 1992 года США, РФ, Белоруссия, Казахстан и Украина подписали Протокол к Договору СНВ-1, в соответствии с которым (ст. 5) Республика Беларусь, Республика Казахстан и Украина должны были присоединиться в возможно кратчайшие сроки к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государств-участников, не обладающих ядерным оружием. Тогда же лидеры Белоруссии, Казахстана и Украины взяли на себя обязательства ликвидировать все ядерные вооружения, находящиеся на территории их государств, в семилетний период. Это был большой успех: удалось избежать появления трёх новых ядерных государств, что само по себе имело бы труднопредсказуемые последствия для международной стабильности и безопасности⁴².

Бесспорным свидетельством нового уровня доверия в российско-американских отношениях стало заключение трёхстороннего российско-американо-украинского соглашения (январь 1994 года) об обмене советских стратегических боезарядов, снимаемых со стратегических вооружений на Украине и транспортируемых в Россию, на российские тепловыделяющие сборки для украинских АЭС (эту сделку профинансировала американская сторона). Данная схема позволила вывести с территории Украины все стратегические боезаряды, оставшиеся там после распада СССР⁴³.

Сравнительно быстро, в июне 1992 года, Б. Н. Ельцину и Дж. Бушу-старшему удалось договориться между собой об основных параметрах будущего Договора СНВ-2: к 2003 году РФ и США должны сократить суммарное количество боезарядов каждой из сторон до уровня между 3000 и 3500 единицами (как определит для себя каждая из сторон); ликвидируют все МБР с РГЧ ИН; сократят число боезарядов на БРПЛ до уровня, не превышающего 1750 боезарядов (при этом, однако, баллистические ракеты на подводных лодках сохраняли разделяющую-

---

⁴⁰ См.: Дворкин В. Ядерное сдерживание и договор СНВ-2 // *Стратегическая стабильность*. 1997. № 1. С. 14–15.

⁴¹ См.: Baker, J., Jr. Op. cit. P. 659–665.

⁴² Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002)... Т. IV. С. 153–155.

⁴³ Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002)... Т. IV. С. 201–204.

юся головную часть индивидуального наведения)⁴⁴. Правда, в дальнейшем, вплоть до января 1993 года, стороны согласовывали его детали. Были проведены встречи между главами российского (А. В. Козырев) и американского (Дж. Бейкер и в дальнейшем Л. Иглбергер) внешнеполитических ведомств в Лондоне, Женеве, Нью-Йорке, Москве и Вашингтоне. С середины декабря 1992 года и вплоть до позднего вечера 1 января 1993 года российская и американская делегации, возглавляемые, соответственно, заместителем министра иностранных дел Г. Э. Мамедовым и заместителем государственного секретаря Ф. Визнером, вели интенсивные переговоры в Женеве, в ходе которых и был окончательно отшлифован текст соглашения⁴⁵.

В процессе переговоров наиболее серьёзные уступки была вынуждена сделать российская сторона, согласившись на ликвидацию важнейшего компонента своей стратегической триады – МБР с РГЧ ИН. Кроме того, положения Договора СНВ-2 предусматривали гораздо более существенный «возвратный потенциал» у американцев – в случае выхода из соглашения Вашингтон мог бы дополнительно развернуть на своих стратегических носителях, по подсчётам российских экспертов, от 3900 до 7400 боезарядов – против 1110 боеголовок, которые могла бы развернуть на ракетах РС-18 и РСМ-50 российская сторона⁴⁶.

Кремль был вынужден пойти на это, отдавая себе отчёт в том, что в сложившихся условиях не сможет поддерживать свои стратегические силы на уровне, закреплённом в Договоре СНВ-1 (6000 боеголовок), чтобы обеспечить паритет с американцами. В то же время, как указывалось в специальном исследовании российских военных аналитиков, посвящённом Договору СНВ-2, в случае претворения положений Договора в жизнь «теряют своё техническое обеспечение наиболее опасные концепции применения ядерного оружия, прежде всего концепции первого удара. Фактически Договор фиксирует такое соотношение сил, при котором сторона, наносящая первый ядерный удар по объектам стратегических сил противника, затрачивает на их поражение значительно большее число собственных боезарядов, чем способна уничтожить, и при этом оказывается неспособной снизить собственный ущерб от ответного удара до приемлемого уровня»⁴⁷.

Впрочем, как вскоре выяснилось, даже предусмотренный в Договоре СНВ-2 уровень в 3000–3500 боезарядов был непомерно велик для Российской Федерации; отсюда – идея о новых переговорах с Вашингтоном об ограничении стратегических вооружений до уровней, которые были бы ниже уровня СНВ-2. Выдвигая это предложение, российская сторона исходила из того, что в ходе российско-американского разоруженческого диалога необходимо решить следующие вопросы: заключение нового договора о сокращении стратегических вооружений, в рамках которого можно было бы отказаться от наиболее серьёзных недостатков Договора СНВ-2; определить основные параметры будущих тактических противоракетных систем, что позволило бы сохранить Договор по ПРО; и, наконец, решить проблему средств передового базирования, что было особенно важно в условиях возможного расширения НАТО на восток. Диалог этот приобрёл особое значение для Кремля после того, как выяснилось, что Договор СНВ-2 не имеет никаких шансов на ратификацию большинством Государственной Думы.

Свой интерес в продолжении диалога с Москвой по стратегическим вооружениям был и у администрации У. Клинтона. В Вашингтоне не могли не ощущать озабоченности из-за того, что Договор СНВ-2 прочно «завис» в российском парламенте – в условиях, когда российская сторона продолжала сохранять громадный военно-стратегический потенциал. Вот почему

⁴⁴ National Archives. Savranskaya S., Blanton T. The First Months of U.S. Relations with the New Russia, 1992. / Published: January 30, 2023. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2023-01-30/first-months-us-relations-new-russia-1992> (accessed 27.08.2024).

⁴⁵ Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: Российский институт стратегических исследований, Институт США и Канады РАН, 1994. С. 80.

⁴⁶ Там же. С. 95.

⁴⁷ Там же. С. 81.

в новых исторических условиях, уже в постбиполярном мире, стороны были вынуждены не только сохранить режим контроля над стратегическими наступательными вооружениями, но и предпринять шаги, направленные на дальнейшее укрепление этого режима.

В ходе российско-американской встречи в верхах в Хельсинки 20–21 марта 1997 года в формате рабочих групп, созданных по решению У. Клинтона и Б. Н. Ельцина, были обсуждены военно-политические вопросы, представляющие взаимный интерес: о дальнейших сокращениях стратегических вооружений, о противоракетной обороне, о средствах передового базирования. Координировали эту работу заместители глав внешнеполитических ведомств С. Тэлботт и Г. Э. Мамедов. В результате упорного торга сторонам удалось выйти на соглашения, отражавшие баланс интересов сторон⁴⁸.

В Совместном заявлении о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений было сказано, что после вступления в силу Договора СНВ-2 Россия и Соединённые Штаты незамедлительно приступят к переговорам по соглашению СНВ-3, которое будет предусматривать установление к 31 декабря 2007 года для каждой из сторон пониженных суммарных уровней в 2000–2500 стратегических ядерных боезарядов.

Как говорилось в заявлении, «президенты достигли понимания о том, что предельный срок ликвидации стратегических носителей ядерного оружия по Договору СНВ-2 будет продлён до 31 декабря 2007 года»⁴⁹. Согласие официального Вашингтона с продлением сроков сокращения ядерных вооружений должно было помочь убедить Госдуму РФ ратифицировать Договор, ибо одним из самых серьёзных возражений против Договора было указание на то, что Россия не сможет до указанной в тексте Договора даты, 1 января 2003 года, выйти на определённый Договором уровень – 3500 развёрнутых стратегических боеголовок.

Большое значение имела и содержащаяся в вышеуказанном Совместном заявлении договорённость о том, что «в контексте переговоров по СНВ-3 их эксперты рассмотрят в качестве отдельных вопросов возможные меры, касающиеся ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности и тактических ядерных средств». Как успех российской дипломатии можно рассматривать то обстоятельство, что впервые официальный Вашингтон высказал принципиальное согласие обсуждать за столом переговоров не только стратегические наступательные вооружения, но и американские средства передового базирования, которые, будучи по своим техническим характеристикам тактическими ядерными вооружениями, являлись для России важнейшим стратегическим фактором, поскольку были способны достичь её территории.

Ведь в период холодной войны американские системы передового базирования были важнейшим элементом стратегии контрсилы, то есть достижения победы в ядерной войне против СССР. Вот почему американская сторона всегда упорно уклонялась от переговоров по тактическому ядерному оружию, в ходе которых неизбежно был бы поднят вопрос и об американских средствах передового базирования. Вашингтон шёл на сокращение своих тактических ядерных вооружений лишь в одностороннем порядке, как это произошло в сентябре 1991 года. В этом смысле трудно переоценить значение принятого в Хельсинки Совместного российско-американского заявления по европейской безопасности, в котором содержалась констатация того, что государства – члены Североатлантического альянса не имеют намерений, планов или причин для развёртывания ядерного оружия на территории новых членов НАТО, то есть вблизи российских границ, а также не предвидят необходимости делать это в будущем⁵⁰

⁴⁸ О переговорах в Хельсинки см.: *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. С. 276–284; *Тэлботт С.* Указ. соч. С. 444–445.

⁴⁹ Совместное заявление о параметрах будущих сокращений я. де'рпых вооружений. 21 марта 1997 года / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857459> (accessed 27.08.2021).

⁵⁰ Совместное российско-американское заявление по европейской безопасности. 21 марта 1997 года / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857458> (accessed 27.08.2021).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.